

Первая сказка про Фиту, Евгений Замятин

Завелся Фита самопроизвольно в подполье полицейского правления. Сложены были в подполье старые исполненные дела, и слышит Ульян Петрович, околоточный, – все кто-то скребется, потукивает. Открыл Ульян Петрович: пыль – не прочихаешься, и выходит серенький, в пыли, Фита. Пола – преимущественно мужского, красная сургучная печать за номером на веревочке болтается. Капельный, как младенец, а вида почтенного, лысенький и с брюшком, чисто надворный советник, и лицо – не лицо, а так – Фита, одним словом.

Очень Фита понравился околоточному Ульяну Петровичу: усыновил его околоточный и тут же в уголку, в канцелярии, поселил – и произрастал Фита в уголку. Понатастал из подполья старых рапортов, отношений за номером, в рамках в уголку своем развесил, свечку зажег – и молится степенно, только печать эта болтается.

Раз Ульян Петрович приходит – отец-то названный, – а Фита, глядь, к чернильнице припал и сосет.

– Эй, Фитька, ты чего же это, стервец, делаешь?

– А чернила, – говорит, – пью. Тоже чего-нибудь мне надо.

– Ну ладно, пей, чернила-то казенные.

Так и питался Фита чернилами.

И до того дошло – смешно даже сказать: посусолит перо во рту – и пишет, изо рта у Фиты – чернила самые настоящие, как во всем полицейском правлении. И все это Фита разные рапорты, отношения, предписания строчит и в углу у себя развешивает.

– Ну, Фита, – околоточный говорит, отец-то названный, – быть тебе, Фита, губернатором.

Так, по предсказанному Ульян Петровичем, и вышло: в одночасье стал Фита губернатором.

А год был тяжелый – ну какой там, этот самый: и холера, и голод.

Прикатил Фита в губернию на курьерских, жителей собрал немедля – и ну разносить:

– Эт-то что у вас такое? Холера, голод? И – я вас! Чего смотрели, чего делали?

Жители очесываются:

– Да-к мы что ж, мы ничего. Доктора вот – холерку излечивали маленько. Опять же к скопским за хлебом спсылать...

– Я вам – доктора! Я вам – скопских!

Посулил Фита перо:

«Предписание № 666. Сего числа, вступив надлежаще в управление, голод в губернии мною строжайше отменяется. Сим строжайше предписывается жителям немедля быть сытыми. Фита».

«Предписание № 667. Сего числа предписано мною незамедлительно прекращение холеры. Ввиду вышеизложенного сим увольняются сии, кои самовольно именуют себя докторами. Незаконно объявляющие себя больными холерой подлежат законному телесному наказанию. Фита».

Прочитали предписания в церквах, расклеили по всем по заборам. Жители отслужили благодарственный молебен и в тот же день воздвигли Фите монумент на базарной площади. Фита похаживал степенный, лысенький, с брюшком, печатью этой самой поматывал да знай себе пофыркивал: так индюк важно ходит и чиркает крыльями по пыли.

Прошел день и другой. На третий – глядь, холерный заявился в самую Фитину канцелярию: стоит там и корчится – ведь вот, не понимает народ своей пользы. Велел ему Фита всыпать законное телесное наказание. А холерный вышел – и противоправительственно помер.

И пошли, и пошли мереть – с холеры и с голоду, и уж городских не хватало для усмирения преступников.

Почесались жители и миром решили: докторов вернуть и за скопским хлебом послать. А Фиту из канцелярии вытащили и учить стали – по-мужицки, народ необразованный, темный.

И рассказывают, кончился Фита так же не по-настоящему, как и начался: не кричал и ничего, а только все меньше и меньше, и таял, как надувной американский черт. И осталось только чернильное пятно да эта самая его сургучная печать за номером.

Поглядели жители: антихристова печать. В тряпочку завернули, чтобы руками не трогать, и закопали у ограды кладбищенской.

1917 год